

Москва

1
2013

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка главного редактора

Владислав АРТЕМОВ. Пока есть удерживающий 3

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Михаил АНИЩЕНКО. Золотые русские стихи 5

Наши публикации. Сергей ДУРЫЛИН. Жалостник. Рассказ.

Комментарий Маргариты ЛОЕВСКОЙ 18

Михаил ПОПОВ. Бумажная твердь. Стихи 48

Лев ЗЕНЗИНОВ. Славная красавица Дора и миллионер.

Необыкновенный роман 57

Нина ПРОНЧЕНКО. По улице Боткина, против часовни... Рассказ 94

Геннадий КАРПУНИН. И зимой случаются дожди. Рассказ 121

Рассказы студентов Литературного института:

Екатерина ГРУЦКАЯ. Белка и Стрелка. — Анна ЛАПИКОВА. Одно

желание для золотой рыбки. — Марина КУЛАКОВА. По-одинок. —

Максим ЧУПРОВ. Один день Александра Исаевича 138

ПУБЛИЦИСТИКА

Противостояние: первые итоги. «Круглый стол» журнала «Москва» 163

Алексей ШОРОХОВ. Преодоление трагического 169

«Арабская весна»: последствия для России и мира 176

КУЛЬТУРА

Игорь ФУНТ. К истории пушкинского веера 190

МОСКОВСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

Андрей ЕВДОКИМОВ. Новое исследование о Н.В. Гоголе. — Валерий ИВАНОВ.

Жемчужины духа на Русском Севере. — Константин ТАСИЦ. Миф

о геноциде адыгов. — Виктор АКАТКИН. Воскрешение подвига. —

Анатолий БАЙБОРОДИН. Правда жизни. — Валерий СКРИПКО.

В поисках духовной Атлантиды. — Елена ПЕРОВА. Жизнеописание

Гавриила Троепольского 199

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Владимир СУПРУНЕНКО, Юрий СУПРУНЕНКО. **Приобретенное (ремесла, промыслы, занятия)** 216

МОСКОВСКАЯ ТЕТРАДЬ

Петр КОШЕЛЬ. **История Рогожской слободы** 228

ДОМАШНЯЯ ЦЕРКОВЬ

Епископ Покровский и Николаевский ПАХОМИЙ (БРУСКОВ).
Практические вопросы применения церковнославянского языка в современном богослужении 232
Священник Сергей КАРАМЫШЕВ. **Столица и провинция.**
Историософское эссе 237

Главный редактор В.В. АРТЕМОВ (495) 691-71-10

Генеральный директор В.В. КОВАЛЕВ (495) 691-83-91

Зам. главного редактора, зав. отделом прозы и поэзии А.Ю. СЕГЕНЬ (495) 691-83-86

Зам. главного редактора, зав. отделом публицистики А.В. ВОРОНЦОВ (495) 691-83-64

Ответственный секретарь О.И. КИРЕЕНКО (495) 691-83-64

Отдел прозы и поэзии Т.А. НЕРЕТИНА (495) 691-68-01

Отдел культуры О.Ю. ТАРАНЕНКО (495) 691-68-01

Домашняя церковь С.И. НОСЕНКО (495) 691-68-01

Главный бухгалтер Л.Э. БУДНИКОВА (495) 691-83-84

Заведующая редакцией М.В. БИКАШОВА (495) 691-71-10

Корректор О.И. ИВАНОВА

Технический редактор Е.Ю. ЕРОФЕЕВА

Общественный совет:

Архиепископ Костромской и Галичский АЛЕКСИЙ (ФРОЛОВ),
игумен Евфимий (МОИСЕЕВ), П.Н. КРАСНОВ, В.Н. КРУПИН, В.А. КУЛЬЧИЦКИЙ,
П.В. МУЛЬТАТУЛИ, И.И. ПЕРЕВЕРЗИН, В.Г. РАСПУТИН, А.С. САЛУЦКИЙ,
М.Б. СМОЛИН (председатель), архимандрит ТИХОН (ШЕВКУНОВ),
И.Р. ШАФАРЕВИЧ

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Отклоненные рукописи сохраняются в течение года. Рукописи, присланные по электронной почте, не рассматриваются. Материалы принимаются только в распечатанном виде по адресу редакции. Журнал не публикует поэмы, либретто и сценарии.

Подписано в печать 24.12.12. Формат 70x108 1/16. Бумага типографская № 2. Печать офсетная.
Тираж 2700 экз. Заказ 2466.

Свидетельство о регистрации № 554 от 29 декабря 1990 года Министерства печати Российской Федерации

Подписные индексы: 73253 — каталог РОСПЕЧАТЬ, 15612 — «Пресса России», 45211 — каталог «МАП».

Адрес редакции: 119002, Москва, ул. Арбат, д. 20. Телефон +7(495) 691-71-10. Факс +7(495) 691-07-32.

Электронная версия журнала: www.moskvam.ru

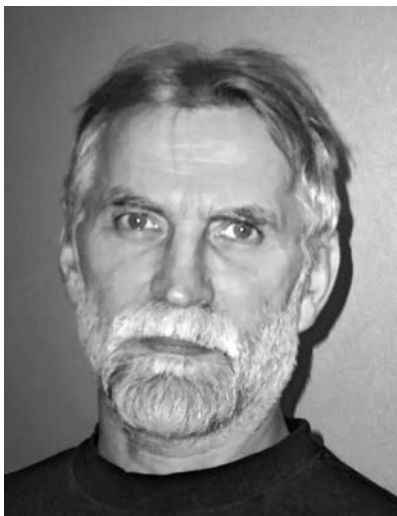
e-mail: priem@moskvam.ru

Отпечатано в филиале «Чеховский печатный двор» ОАО «Первая образцовая типография». 142300, г. Чехов Московской области. Факс +7(49672) 6-25-36, +7(499) 270-73-59. Телефон (многоканальный) отдела продаж услуг: +7(499) 270-73-59. Сайт: www.chpk.ru; e-mail: marketing@chpk.ru

ISSN 0131–2332

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

© Журнал «Москва» № 1, 2013

ВЛАДИСЛАВ АРТЕМОВ

ПОКА ЕСТЬ УДЕРЖИВАЮЩИЙ

Россия вступила в тринадцатый год. На тринадцатый год прошлого века поглядывала когда-то советская статистика как на год высшего взлета материальной мощи Российской империи. Это было время модернизации, расцвета искусств, а также время

торжества либерализма и безбожия, которым отравлено было почти поголовно русское образованное общество. Мало кто осознавал тогда, что все это очень скоро обернется кровавой катастрофой.

Люди вообще большие оптимисты и наивно убеждены в том, что любые перемены будут лично для них благоприятны. Если бы, положим, сам Солженицын явился в России накануне революции и прогремел с пророчествами о том, что «сто миллионов» вас, дураков, переморят в ГУЛАГе, никто бы и не почесался. Да хоть двести! Даешь перемены! Всякий был уверен, что с него лично палачи шкуру не сдерут. Меня-то за что?

Нас не особенно тревожили прошлогодние шатания внутри страны. Это ведь в практической жизни никого не касалось, все происходило там, в зазеркалье, внутри телевизора. На экране «болотные» митинги сменялись плясками на амвоне. События, в сущности, мелкие, но вызвавшие несоразмерно много шума, толкований и комментариев. И акценты расставлялись так, что было ясно: либералы задают тон на государственных телеканалах. Они по-прежнему пытаются навязать обществу свое мировоззрение и насадить свои вкусы. И уж совершенно очевидно: они на дух не переносят Православие.

Остановимся на этом пункте подробнее, поскольку тут возникают некоторые вопросы. Всякому понятно, что даже самая наглая и нелепая провокация должна быть художественно убедительной. Иначе зачем ее и затевать? И вот на наших глазах создавался информационный повод для массовой атаки на Русскую Православную Церковь. Православная вера — это главная наша скрепа, фундаментальная тысячелетняя опора государства. Недаром против Православия так ополчился Бжезинский! Ум в своем роде выдающийся по своей злокозненности. Этот точно знает, куда целиться.

Итак, готовился плацдарм для атаки грандиозной, всемирной! Требовалось возбудить ненависть к «религиозным мракобесам». Требовалось также найти жертвы, которые вызывали бы к себе жалость и симпатии. По законам жанра нужно было взять сироток из приюта, да с голосами ангельскими, да сочинить им хорошую музыку, придумать жалостные слова, заранее подготовить фонограмму. Затем произвести несложные технические действия — организовать небольшую массовку из трех-четырех пузатых жлобов, нарядить их в православные рясы, наклеить бороды. Для перчика разбавить массовку парочкой пучеглазых «монахинь», ликами пострашнее... И вот потребитель получает совсем иную картинку на мониторе, нежели та, которую нам предоставили. На невинных, чистых девчушек, «алчущих и жаждущих правды», налетает злобная толпа ортодоксов. Случайные иностранные свидетели снимают этот ужас на мобильники.

Крупным планом — яловый сапог дьякона, растоптанная кукла, слеза ребенка. И по всем каналам в тот же вечер трансляция, и наутро повтор, и в полдень. И вот уже тяжело задумалась у экрана учительница из Торжка, протрезвел от увиденного и смутился духом электросварщик из Калуги. И весь цивилизованный мир содрогнулся и повалил на демонстрации.

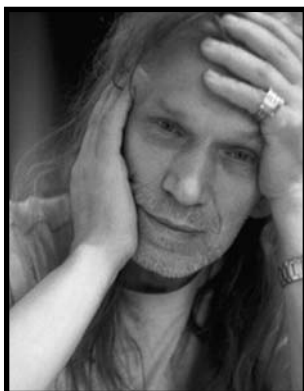
Провокация, как видим, простая, не требующая больших денег. Минимум реквизита, скромная работа режиссера, капля фантазии. Нам же почему-то продемонстрировали откровенную и бесталанную халтуру. Ни слов, ни музыки, ни композиции. Безголосые малосимпатичные тетеньки покривлялись в церкви. Как из них мучениц-то ваять? Материал уж очень неподходящий, непригодный для обработки. Тем более что они накануне публично совокуплялись в музее, береманные и потные. Вешали чучело киргиза в гастрономе. При этом сами же и снимали себя, выкладывали компромат на всеобщее обозрение. В чем дело? Неужели отпущенные сребреники просто «распилили», разделили меж своих? Но мы видим, что это никого особенно не смущало. Ни заказчиков, ни исполнителей. Несмотря на столь примитивно сляпанную провокацию, реакция мира на халтуру была удивительна. Признание, премии, награды. Имена девиц официально ввели в сотню великих мыслителей планеты. Вот вам, утретесь...

Из прошлогодних событий можно вывести одно бесспорное заключение — беда и слабость наших либералов в том, что нет сегодня у них ни кадрового, ни людского ресурса. Утечка мозгов. Остался один залежалый товар, неликвид, второй сорт. В этом вообще примета и особенность нашего времени — господство подделок, контрафакта, суррогатов, вкусовых добавок, заменителей. Второй сорт заполонил все вокруг. Это касается не только предметов материального мира, но вообще культурной среды — и литературы, и кино, и театра, и эстрады. Халтура задает тон везде.

Мир дошел до того состояния, что даже и сама ложь нынче стала примитивна, некачественна. Ложь, которая прежде всегда старалась быть привлекательной, блестящей, проявляла чудеса изобретательности, нынче превратилась в унылое изделие все того же второго сорта. А зачем, собственно говоря, напрягаться? Пипл схавает... Вспомните — пустой пробиркой помахали в воздухе, и сойдет. Можно бомбить Ирак. Вот почему тревожит нас сегодня заявление американцев о «химическом оружии» в Сирии. Поди разберись потом, где ложь, где правда. Да и зачем ее искать, эту правду, когда вся мощь мировых СМИ под рукой, а потому склонить на свою сторону общественное мнение — не проблема. Прав был мудрый Василий Васильевич Розанов: «Чихать я хотел на ваше общественное мнение. Все ваше западноевропейское общественное мнение — это всего лишь мнение нескольких проходимцев, растиражированное редакторами газет». В самую точку. Есть известный психологический опыт, когда группа шутников, сговорившись, с уверенным и серьезным видом называют белое — черным. Грубый и примитивный прием, но почему-то весьма действенный. Потому как подопытный человек, как правило, ломается. «Да, это черное!» Он, конечно же, прекрасно видит, что никакого это не черное, но предпочитает не верить собственным глазам. Хотя бы ради душевного комфорта. В скобках отметим, что если же хотя бы один из этих заговорщиков пожалует бедного человека и скажет правду, то чары в голове жертвы развеются и лукавый эксперимент будет сорван.

Мировые средства массовой информации — это и есть те самые шутники, подыгрывающие друг дружке. Это они убеждают нас, что черное — это на самом деле белое, это они хором провозглашали, что Православие — признак духовной деградации и отсталости и т.п. Когда читаешь тот примитивный бред, которым западные журналисты потчуют своих читателей, поражаешься бесталанности лжи. Но напор таков, что многие уже почти и не сопротивляются, кивают: «Да, это черное!»

Россия, слава Богу, не уступает и не сдается, утесом стоит на пути антихриста. Вся совокупная сила вражьей пропаганды нацелена на нас, потому что, пока мы есть, лукавый эксперимент не увенчается успехом.

ЗОЛОТЫЕ РУССКИЕ СТИХИ

Круги

Под глазами круги, словно адовы круги,
Лукоморье пропало в моей бороде.
Я один на земле. Все друзья и подруги
Разошлись в темноте, как круги по воде.

Двадцать лет темнота над родимой землею,
Я, как дым из трубы, еще пробую высь...
Но кремнистый мой путь затянулся петлею,
И звезда со звездою навек разошлись.

Истошилось в писаньях духовное брашно,
Я устал и остыл. Я лежу на печи.
Умирать на земле мне почти и не страшно,
Но весь ужас скрывается в этом «почти»...

Михаил Всеволодович Анищенко родился в 1950 году в Куйбышеве. Работал фрезеровщиком, слесарем, сантехником, сторожем, журналистом. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького.

Первая книга стихов «Что за горами» вышла в 1979 году. Затем появились «Не ровен час» (1989), «Ласточкино поле» (1990), «Оберег» (2008) и другие.

Умер 24 ноября 2012 года в Самаре.

Мне прилечь бы...

Мне прилечь бы, пасмурная родина,
Под кустом растаять, как сугроб...
Чтобы снова белая смородина
Красной кровью капала на лоб.

Чтоб забыть всю злость и наущения,
Жажду мести, ставшую виной.
Чтобы белый ангел всепрощения,
Словно дождик, плакал надо мной.

Чтоб платить и ныне, и сторицею
За судьбу, сиявшую в глуши.
Чтобы гуси плыли вереницею
В небеса распахнутой души.

Великан

На столе тетради — пятнами, в стопке — горе и туман.
Бормоча слова невнятные, ходит пьяный великан.
То смеется, то ругается, то дымится, то горит,
О порожек спотыкается, старой печке говорит:
«Из беды себя не вызволишь. Заходи, беда, во тьму!
У моей любимой выкидыш... Там-тарам... Конец всему.
Обещал засыпать золотом, возвести до неба храм...
А извел родную голодом... Там-тарам, тарам-тарам...
Ни Тургенева, ни Врубеля, ни надежды... Ничего...
Кровь свернулась. Тара-бумбия... Охо-хонюшки, хо-хо...»
Постепенно ночь кончается. Он в саду глотает ком.
И луна над ним качается, как петля под потолком.

Полковник СССР

В деревне, в отсутствие Бога,
Сжигая надежды в печи,
Он темен и дик, как берлога,
И дышит туманом в ночи.

Сливается киноварь с охрой,
Пылают размывы рябин.
Он хочет напиться и сдохнуть,
Но пить не умеет один.

Родная ушла и пропала,
Черны в небесах облака;
И Волга черна, и опала
Протяжна, как стон бурлака.

Он в дали земные зевает
И знает, как свет и вода:
Обратных дорог не бывает
И он не вернется туда,

Где светятся звезды и сабли
И кони встают на дыбы,
Где лучшие годы, как капли,
Впитала пустыня судьбы.

О Русь! Только пена и кипеж!
Но он еще смотрит в окно
И верит в спасенье, как Китеж,
Навеки ушедший на дно.

Дорога

В эту ночь — без родины, без Бога, без сиянья вечного огня,
Выхожу один я. Но дорога сквозь туман уходит от меня.

Убегает зло и сиротливо, в темноте уходит из-под ног,
Словно кто-то нитку торопливо в небесах мотает на клубок.

Я не верю дьяволу и Богу. «Ты не выдай, верная рука!»
И клюкой цепляюсь за дорогу, улетает верная клюка!

Я стою, растерянный, у тынов и не вижу, глядя в облака,
Как призывно Бела и Мартынов мне руками машут с Машука.

Я ругаю дьявола и Бога, только нечет выглядит как чет.
Мне под ноги падает дорога и в другую сторону ведет.

Бегство

Пробираюсь к ночному Бресту, по болотам в былое бреду,
Потерял я свою невесту в девятьсот роковом году.

Я меняю лицо и походку, давний воздух вдыхаю вольно.
Вижу речку и старую лодку, вижу дом на окраине. Но...

Полыхнуло огнем по детству, полетел с головы картуз.
Я убит при попытке к бегству... из России — в Советский Союз.

* * *

Спи, моя родина, спи, неутешная.
Ночь за окошком опять.
Светлая-светлая, грешная-грешная,
Надо подольше поспать.

Спи, моя родина, спи, мое горяшко.
Горе еще не беда.
Если погасло осеннее солнышко,
Выйдет на небо звезда.

Спи, моя родина, спи, горемычная.
Мучаясь, плача, скорбя,
Я непременно отраву столичную
Выведу всю из тебя.

Спи, моя родина. Тучка осенняя
Тает, бессонницу лья.
Где-то рождается час воскресения,
С печки слезает Илья.

Спи, моя родина: сени, наличники,
Лавочка, печь, домовой...
Завтра умоем мы грязное личико
Мертвой водой и живой.

Спи, моя родина. Светлыми, юными
Будут грядущие дни;
И полетят над тобой Гамаюнами
Лучшие чувства мои.

Пророк

Я услышал историю эту и украсил стихами засим.
Повстречался в пустыне поэту окрыленный собой Серафим.

Поднял он над поэтом денницу, разливая то уксус, то мед,
Говорил про змею и орлицу и про ангелов горний полет.

Говорил о неведомой тайне, а потом до скончания лет
Растворился в осеннем тумане... И подумал печально поэт:

«Не сказал он про смертные свечки, про мученья последнего дня,
Хоть и бродит сейчас возле речки, где когда-то застрелят меня».

Вдохновение

Я к тебе заглянул на проруху,
Но следов не увидел нигде.
Ты пропала. Ни слуху ни духу,
Ни петли, ни кругов на воде.

В темной комнате тихо и снуло,
Только чайник открытый зевал.
Никого! Как корова слизнула!
Словно дьявол в гостях побывал.

Твои кошки за двери просились,
Под накидкой кричал какаду.
А в тетради слова шевелились,
Словно волосы русских в аду.

Строки были от злости и боли,
Не желали жалеть и любить...
И в тетрадь, как на минное поле,
Мне уже не хотелось входить.

Я отпрянул и выдохнул: «Боги!
 Это строки пропащей страны!»
 Подкосились усталые ноги,
 И я долго сидел у стены.

Но стена надо мной зашаталась,
 И страна зашаталась за ней...
 Это ты из стихов выбиралась,
 Как гадюка из кожи своей.

И, дрожа нагишом под луною,
 Прошептала ты с детской виной:
 «Я не помню, что было со мною.
 Ты не знаешь, что было со мной?»

Песочные часы

Враждебны ангелы и черти. Не помнит устье про исток.
 Из колбы жизни в колбу смерти перетекает мой песок.

Любовь, и ненависть, и слезы, мои объятья, чувства, речь,
 Моя жара, мои морозы — перетекают. Не сберечь.

Сижу на пошлой вечеринке, но вижу я, обречено,
 Как больно, в этой вот песчинке мой август падает на дно!

Часы не ведают страдания, и каждый день, в любую ночь —
 Летят на дно мои свиданья, стихи и проза... Не помочь.

И трудно мне, с моей тоскою, поверить в нечет, словно в чет, —
 Что кто-то властною рукою часы, как мир, перевернет.

И в стародавнем анимизме, чтоб жить, любить и умирать,
 Из колбы смерти в колбу жизни песок посыплется опять.

Опять я буду плавать в маме, крутить по комнате волчок...
 И станут ангелы чертями, и устье вспомнит про исток.

Неважно

Неважно, Леша, как мы пели,
 Неважно — пить или не пить...
 Мы только то, что не успели
 С тобой при жизни полюбить.

Нас жизнь лепила и ваяла,
 Но, Леша, Леша, в смертный час
 Мы только то, что просияло
 И навсегда погасло в нас.

Мы жили, Леша, врозь и розно,
Бессильно чувствуя во мгле,
Что мы живем то слишком поздно,
То слишком рано на Земле.

Что слезы, Леша, гнев и сила,
Святых писаний парафраз?
Мы только то, что нас манило
И не сбывалось каждый раз.

Судьба не стала больше слова,
Струна не стала тетивой...
И потому мы будем снова
Меняться судьбами с тобой.

По воле Зевса и Эреба,
Без слов, без крика, без следов,
Мы будем снова падать с неба
В тоску соседних городов.

И что нам, Леша, брызги славы,
Туман в глазах и в горле ком?
Мы только крик и стон державы
С давно простреленным виском...

Сказка

Ухожу от державного гнева.
В темноте, за кленовым мостом
Надо сделать три шага налево
И три шага направо потом.

Я впервые бегу из неволи,
Разрываю постылую связь.
Надо бросить расческу на поле,
Чтоб лесами она поднялась.

У Твери и у тихого Дона,
Где казацких костей не собрать,
Рассыпаю я зубы дракона,
Чтобы выросла русская рать.

В Севастополе и Краснодаре,
Где поганое царство опять,
Надо вилами в землю ударить,
Чтобы прадедам веки поднять.

Не спасут меня ярость и злоба,
Не укроет сибирская ширь...
Я ударю булабочку об пол
Чтоб проснулся Сосна-богатырь.

Проясняется небо над Нерлью,
Расцветает сирень над крыльцом;
Ударяется сокол о землю
И встает удалым молодцом.

Надо верить в волшебную утку
И над пламенем стрелы калить;
Надо дуть в тростниковую дудку,
Чтоб хромым и кривых исцелить.

Я отныне стенаньям не внемлю,
Я со свитков срываю печать.
Надо соколом биться о землю,
Надо русские сказки читать!

Новый год (10-й класс)

Как это вышло? Не знает никто.
Там, где мы чуда хотели,
Ты, словно елка, в зеленом пальто
Вышла из белой метели.

Елки зеленые! Запах коры!
Давних загадок посевы!
А у меня — золотые шары,
Бусы — из слез королевы!

Правую руку подав январю,
Встав на пути снегопада,
«Девочка, Оля, — сказал я, — дарю!»
Ты прошептала: «Не надо».

И пролетело вдоль окон цветных,
Мимо пивнушек и чайных:
«Я не люблю украшений пустых
И увлечений случайных!»

Как это вышло? Обида и шок.
Крикнул я в долю-недолю:
«Я не срублю тебя под корешок
И никому не позволю!»

Ты уходила. Я стыл на ветру,
Злой и бессильный, как кукиш.
«Если уйдешь, я напыюсь и умру!» —
«Что же, умри, если любишь!»

Ты оглянулась из тучи людей
Тайной неведомой девы.
И засияли на шее твоей
Бусы из слез королевы.

Любовь. Гораций

К стопам Мельпомены суровый Гораций
Припал лишь на миг. Но — за гранью ума —
Рождалась волна незнакомых вибраций,
Вставала предчувствий неведомых — тьма.

Двоилась судьба, как змеиное жало,
Слова появлялись из умерших слов...
Так в церкви венчаются роза и жаба
По воле поэта, любимца богов.

Так гордость выходит из белого платья,
 Так возят царей на хрипящих ослах.
 Так в лунную ночь накануне зачатья
 Две бездны кричат и сияют в телах.

Прорубь

Однажды мы под вечер оба...

1

Вот она, что мне жизнь исковеркала.
 Позабыв, что мы в доме вдвоем,
 Открывает все тайны для зеркала
 И сияет, как солнышко, в нем.

Она смотрит куда-то царевною,
 И в холодном стеклянном огне —
 Отражаются грудь откровенная
 И лицо — незнакомое мне.

Она смотрит и даже не косится,
 Красит веки, снимает кольцо...
 «И летит моя трость в переносицу...» —
 Я шепчу, закрывая лицо.

2

Пиво пью, грущу над пищею, примиряю «нет» и «да».
 Не хочу самоубийцею становиться навсегда.
 Голова болит от музыки. Ни к чему я не готов.
 Не хочу в петельке узенькой капать на пол из штанов.
 Тайна русская отгадана, птица в клетке не живет.
 «Ничего уже не надо мне...» — кто-то в розовом поет.
 Выйду прочь. Летают голуби, на дороге — гололед...
 Я усну у самой проруби. Может, кто-нибудь столкнет.

3

Замерзал я. Мне снилась акула...
 Бедуины, верблюды, ишак...
 Подошла ты — и в прорубь столкнула
 И сама в нее сделала шаг.

Погрузились, и выплыли оба,
 И вцепились руками в мечту.
 Ты кричала: «Навеки, до гроба!»
 Задыхалась: «На старом мосту!»

Мы с тобою на лед выбирались,
Сбросив цепи и гири вины,
И до дома потом целовались,
Как влюбленные после войны.

И над тьмой мирового отстоя,
Где безумцы давно не в чести,
Я сказал: «Это дело — святое:
Утопить для того, чтоб спасти».

Без тоски, без грехов, без пороков
Мы вернулись в земную тщету.
И грустил на портрете Набоков,
Как когда-то на старом мосту.

Я собою был горд, словно всадник,
Ты безумием сделала злость.
А наутро в холодный курятник
Я отнес свою черную трость.

Родные

И день — святой, и ночь — святая.
Весь год под Богом и луной
Я говорю тебе: «Родная», —
Ты откликаешься: «Родной».

«Родной!» — в ночи и на рассвете,
Вплоть до скончания времен...
Как будто нам до самой смерти
Не надо собственных имен.

А если смерть разрубит нити
Судеб, что сделались одной,
Пускай напишут на граните:
«Здесь спят родная и родной».

Девятое мая

Ругаясь, сбиваясь, хромая,
Идет бутафорский парад.
Но праздник Девятого мая
Проходит глазами назад.

Летит к Сталинграду уазик,
К Смоленску торопится груз...
И все поезда в этот праздник
Уходят в Советский Союз.

Победа

Необъятный простор мне отцом заповедан!
На девятом листке не горит календарь.
Вся Европа сжимается в слове «Победа»,
Как шагренева кожа, в дрожащую тварь.

Еще вынесет много обмана бумага,
Еще бросят историю под ноги злу...
Но проходит сквозь дыры победного флага
Вся история мира, как нитка в иглу.

Стихи курносого мальчика

Лунным светом выстлана дорога, тает ночь быстрее крем-брюле.
«Радуйся, любимая! Не много радости осталось на земле...
Прилетай к знакомому крылечку самой белой бабочкой в ночи...
Я задул оплавленную свечку, не сгоришь ты в пламени свечи.
У меня, дурного и босого, есть три розы в синем хрустале...»
А в ответ ни слова, ни полслова... Я один сегодня на земле.
Спят еще и суслики, и киска, длится сон лягушки и сурка...
Как твоя прощальная записка, ночь в июне очень коротка.

Пьянка

Я спутался, сбился... Не спится! Хоть боль на мизинец вяжи...
Давно уже хочется спиться, сжечь дом и податься в бомжи.

Я болен. У печки, в пижаме, сижу у березовых дров...
Но снова друзья приезжают, что будут похлеще врагов.

И снова становятся близки они через двадцать минут —
Под пиво, под водку, под виски, под «Путинку» и «Абсолют»...

Рябиной играет настойка, в наливке алеет восток...
Душа — как трактирная стойка, где плачет прикованный Блок.

«Варяг»

Я зажгу последнюю свечу,
Приоткрою верную бойницу,
Карандаш под совесть заточу
И открою новую страницу.

Эта ночь — как вечности зачин,
Где на свет Андреевского стяга
Выплывают строки из пучин,
Как матросы крейсера «Варяга».

Их дыханье всходит, как туман,
 Пробуждает врага и друга,
 И кипит Индийский океан
 От никем не сломленного духа.

Алеша

Помню я и омут, и фарватер,
 И чужой квартиры дребедень,
 Где меня откачивал Ивантер,
 На Адасько, в доме номер семь.

Было жалким пьяное обличье,
 Время спотыкнулось и не шло.
 И мое грядущее величье
 На игле нарколога жило.

Тяжела сомнительная ноша,
 Никому не нужен этот труд...
 Но меня над пропастью Алеша
 Продержал четырнадцать минут.

Снова жили клеточки и фибры...
 Словно он, прощая мне грехи,
 Собирает из мусора верлибра
 Золотые русские стихи.

Поэт умирает...

Поэты всегда одиноки.
 А рядом, где вечная тьма,
 Ухмылки ползут и намеки
 Мокрицами злого ума.

Невинны табак и стаканы
 И домыслы деда Пихто.
 Поэт умирает от раны,
 Которой не видит никто.

Дым

В тени речного краснотала,
 Над голубой вселенной мха
 Он жил сердито и устало
 В избушке прежнего греха.

Он собирал на старость деньги
 И жил, соседей не смешая.
 Но тихо скрипнули ступеньки
 И в домик женщина вошла.

Земля под домиком качнулась,
 Пошли старинные часы,
 Спина больная разогнулась,
 И к небу вскинулись усы.

Отдав ему все тайны тела,
 До часа Божьего суда
 Она в судьбе его горела,
 Не погасая никогда.

От дальней фермы, от обочин,
 Через уснувшее село
 Она к нему вбегала ночью,
 И в доме делалось светло.

И все могло бы быть прекрасно,
 Когда б не плакал он во сне:
 «Я не могу гореть всечасно
 В твоём негаснущем огне».

Она однажды утром встала,
 На стол поставила пирог,
 Огонь ногами затоптала
 И тихо вышла за порог.

За ней он следом не метнулся:
 К чему пустая беготня?
 Вздохнул, уснул и задохнулся
 В дыму от мертвого огня.

Элегия

Надрывается ветер заблудший,
Колобродит всю ночь в камыше.
И чем хуже погода, тем лучше
Почему-то теперь на душе.

Ничего, я с дороги не сбился
И совсем незнаком с ворожкой.
Я в счастливой рубахе родился
И снимал ее только с тобой.

А теперь возле дома слепого
Я хожу, словно вор, без огня...
Хорошо, что ты любишь другого,
Как когда-то любила меня.

Хорошо, что без боли и страху
Ты мне машешь рукой на ходу,
Что мою голубую рубаху
Носит пугало в вашем саду.

День Победы

День Победы. Смертная тоска.
Как вагон, Россию отцепили...
Подменили даты и войска
И героев павших подменили.

Мир спасен. Америке — виват!
Для России — водка и корыто.
Что ты плачешь, маленький солдат,
За проклятым Одером зарытый?

Возрождайся, память, из обид
Под сияньем воинского флага!
Что Париж, Варшава и Мадрид,
Что весь мир без взятия Рейхстага?

Русский дом измазали смолой,
Оплели лукавыми словами.
Встань, солдат, над пеплом и золой,
Посмотри в утраченное нами.

Там, вдали, где праведники лбом
Бьются в пол святого каземата,
Спит Земля в сиянье голубом
Под пилоткой русского солдата.

Прощевай

Прощевай, моя опушка,
Прощевай, тропа в бору!
Ухожу... Но, словно Пушкин,
Весь я тоже не умру.

Положил себя, как требу,
Я на камушек лесной...
Журавли летят по небу,
Словно ангелы — за мной.

В час распада и распыла
Грешный мир нам не указ.
Не страшусь... Все это было
И со мною много раз.

Поклонюсь Борису, Глебу...
И над Родиной святой
Буду гром возить по небу
На телеге золотой!

24 ноября 2012 года в Самаре умер поэт Михаил Анищенко.

Еще одно имя окончательно заняло свое законное место в списке замечательных имен русской литературы. В этом наша отрада, утешение и надежда. Этот «неизвестный русский поэт» жил и творил в наше время, рядом с нами, и сама жизнь его и творческий огонь свидетельствуют о неиссякаемой мощи русского духа. О потрясающей нашей живучести и непобедимости. Как же талантлива наша Россия!

СЕРГЕЙ ДУРЫЛИН

ЖАЛОСТНИК

РАССКАЗ

Сергей Николаевич Дурьлин (1886–1954) — религиозный мыслитель, филолог, искусствовед, прозаик, поэт. В 1912–1918 годах — секретарь Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева. В 1917 году принял священство, в начале 20-х годов подвергся репрессиям.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

I

Из всех богомольцев, стоявших в новой монастырской гостинице, попросили на чашку чаю к архимандриту только троих: отставного, еще не очень старого генерала с желтыми лампасами, податного инспектора из ближайшего губернского города и пожилого купца, который не в первый уже раз бывал в монастыре и теперь привез небольшой вклад по завещанию своего дальнего родственника. Время было для простого народа неудобное — подходил сенокос, а для иногородних приезжих было еще рано, и богомольцев в монастыре было мало. Генерал, податной инспектор и купец ходили по монастырю все время вместе, купались в Святом озере, ездили на пчельник, где у купца был знакомый монах, отец Тит, у которого на пчел рука легкая была, накупили в монастырской лавочке резных ложек, книжек и четок из Богородицыных слезок и решили вечером, по холодку, отправиться на тройке до ближайшей пароходной пристани.

— Ежели бы в Соловецком мы были, — пояснил купец, когда было решено ехать, — тогда, для препровождения времени, еще можно бы пойти к отцу погребному семгу в погребе выбирать и потом на кухне гостинику заказать кулебяку в два загиба: один, по-архиерейски, на сливочном масле, а другой, по-игуменски, на коровьем, а тут, помолившись Богу, больше ничего не придумаешь, кроме как к архимандриту пойти на дорогу благословиться.

Приглашение архимандрита выходило совсем кстати.

Печатается по тексту: Русская мысль. Ежемесячное литературно-политическое издание. Год тридцать восьмой. Книга III–IV. М.; Пг., 1917. С. 1–34.

Покои архимандрита были соединены каменным крытым переходом с трапезной, построенным в недавнее время и своей пестротой нарушавшим крепостной, кое-где подновленный, но все еще крепкий и строгий облик всего монастыря. Внутри переход был расписан масляными красками, грубовато, пестро, но была, должно быть, какая-то определенная мысль внушена расписывавшим мастерам, которой они неумело, но покорно следовали: были изображены многообразные искушения, которые род человеческий претерпевает от дьявола, но искушаемыми были представлены не святые и праведники, а обыкновенные люди, миряне и монахи, наши русские обиденные монахи в клобуках и скуфейках, в русской монашеской обстановке. Это заинтересовало богомольцев, и они остановились, чтобы рассмотреть две-три картины, к тому же генерал, посмотрев на часы, сказал:

— А знаете, господа, к архимандриту нам рано: еще нет трех часов.

— Ну не возвращаться же в гостиницу, — заметил инспектор, — здесь подождем. Вот это создание народного гения нашего обозрим, — и он указал на грубоватые стенные картины.

Генерал надел пенсне и отошел к окну, приглядываясь к противоположной стене.

— Положительно, это мне нравится, — сказал он, помолчав.

Картина изображала церковь, переполненную монахами и мирянами. Откуда-то сверху на молящихся летели красные розы, а сыпал их едва приметный маленький остророжий чертенок, притаившийся где-то у самого купола. Большинство бывших в церкви не замечало красных роз и продолжало молиться: тут были все миряне и большая половина монахов. Другая, гораздо меньшая половина, очевидно, видела, как падают красные цветы: некоторые только смотрели на розы, другие старались их схватить, а третьи, поймав и нюхая, уходили из церкви. Один монах набрал их полную горсть и нюхал, жадно поднося к лицу.

— Как мы, русские, не любим ничего красного: посмотрите, эти красные цветы не имеют никакого успеха, — засмеялся генерал, — а кто их ловит и берет, тот из церкви выходит, то есть вечного блаженства лишается.

Инспектор в парусиновой крылатке улыбнулся на замечание генерала и подергал себя за жидковатую белокурую бородку, а купец заметил:

— Едва ли вы верно это изъяснили, ваше превосходительство. Это он не красноту наводит, — какая в храме Божьем краснота? Красные туда и не пойдут, — это он мысли и мечты промеж монахов сеет, чтоб мечтанием их донять и от церкви отвести.

— Ну, это тоже очень хорошо, — опять засмеялся генерал, — это отсюда, значит, пошли наши избитые «розовые мечты»: действительно, розовые от этих роз, что тот забавник сверху бросает... Но вот это, как хотите, прелестно! — повернулся генерал к другой стене. — Этот черт или как его? Может быть, он чином повыше: я плохо различаю их чинопроизводство, — этот замечательно похож на тритона из аквариума, а вон этот — как морской конь. Я видал таких в Монако: там ведь не только в рулетку играют, но еще и морских рыб смотрят в музей. Откуда они таких взяли?

— Ниоткуда не брали, — сказал купец. — Кому их охота брать?

— Ну, не сами же они пришли сюда на стену, Иван Иванович, — встал, усмехнувшись, инспектор.

— Конечно, не сами: здесь место освященное и в церковь проход; пути им свободного нет.

— Да вы что же это в самом деле, что ли... — начал инспектор, но его прервал генерал: